

* * *

Собаку разбудил запах страха.

Приподняв голову, она принюхалась, потом заметила фигуры двоих людей, приближавшихся к скале, где она спряталась от жары под грубоватым каменным навесом. Издали трудно было различить, от кого из них исходил этот кислотоватый душок, так раздражающий животных. Но чего-то боялся только один из двоих, в этом можно было не сомневаться — запах был определенным, не смешивался с другим.

Если б источающий его человек шел в одиночку, она, возможно, залаяла бы на него, но собаку остановило присутствие другого. Тот ничего не боялся и что-то говорил на ходу... Голос был веселым и ласковым, дворняга прислушалась и часто задышала от радости: так мог бы разговаривать с ней хозяин, если б до сих пор был жив...

Люди скрылись за кустами, отделявшими покатую площадку на краю скалы, и собака тяжело опустила голову на лапы. Каждый раз воспоминания о хозяине отзывались тоской, от которой тянет завыть на луну. Только до ночи было еще далеко... Со-

бака закрыла глаза, громко вздохнула и тут же уснула, ведь боль уже стала привычной.

Сколько прошло времени до того момента, когда вновь донесся тот неприятный запах, собака знать не могла. Вскинув голову, она проследила, как человек бежит мимо, издавая какие-то странные звуки. Но теперь ее не потянуло погнаться за ним, хоть того, веселого, которого она никогда не тронула бы, больше не было рядом. Почему-то ей самой стало не по себе, и хвост боязливо поджался.

Не издав ни звука, собака проводила убегающего человека взглядом. Потом бесшумно поднялась и бросилась в другую сторону.

* * *

От этой поездки невозможно было ждать ничего хорошего. Радость от попытки вернуться в детство всегда обманчива, ведь там все уже не так — другие скамейки, незнакомые деревья... Вроде на своих местах, но как изменились! И пусть кажется, что все те же разнокалиберные сетки паутины зависли между лапами ели, балками старой беседки, но совсем иные воспоминания запугались в них. Чужие...

А в нашем случае никакой радости вообще не могло быть, учитывая, какой груз мы везли с собой. Маленькая шкатулка Вселенской тяжести. И неважно, что мы с Артуром отправлялись к морю, куда я рвалась последние года три. Да нет, больше! У нас с мамой вечно не хватало на это денег, а просить у отца не хотелось обеим, и мы все откладывали, откладывали... Море же не может исчезнуть! Рано или поздно встретимся.

Так мы думали еще вечером накануне того дня, когда мою маму убили.

Недостижимой мечтой море тихонько плескалось в моем воображении, подпитанное картинками из детства: ноги тонут в песке, а волны подкрадываются одна за одной, как хитрые кошки, лижут мои коленки. На солнце вода была зеленоватой, цвета маминых глаз, и только ранним утром — прозрачно-голубой, как мои. Мы впитали море взглядами...

Сколько мне было? Лет семь? Кажется, я уже пошла в школу. Но этого я не помню, только море, его легкое дыхание, как у бунинской Оленьки Мещерской. Шторма́ не запомнились, может, при нас они не случались? Безмятежность, свобода, красота...

Один за другим вырастали кривобокие замки, которые все дети лепят из песка, я в этом ничем не отличалась от других. В ладонях остались покалывание мокрых песчинок и ощущение гордости за соиздание, которым я занималась. Еще рыхлый жгут ароматов остался в запаховой памяти: пронзительная свежесть моря и пряная сладость деревьев. Мне годами хотелось вновь наполнить ими легкие, посевшие от московского воздуха.

— Надышимся, Сашка! Накупаемся до одури! — мама чуть не затискала меня, когда мечта об этой поездке вдруг обрела реальные очертания, потому что в ее жизни появился Артур Логов.

Хоть его и не назовешь богатым человеком, он ведь следователь, а не топ-менеджер энергетической компании, как мой покойный отец, но Артур давно был одинок и не особо умел развлекаться, поэтому у него образовались накопления. Я не спрашивала, конечно, но это подразумевалось.

— Получишь аттестат, быстренько поступишь куда-нибудь, и рванем к морю, — у мамы сияли глаза, когда она говорила об этом.

Мне нравилось, что она не делает из окончания школы и выбора профессии грандиозной проблемы, не хватается за сердце при одной только мысли о ЕГЭ и не таскает домой репетиторов, отдавая последние гроши. И поэтому я тоже к весне не чувствовала себя изнуренной страхом, перегрузками и метаниями, как остальные выпускники. Если я и провалюсь на экзаменах в вуз, никакой катастрофы не случится. От этой мысли мои мышцы расслаблялись, в то время как мои одноклассники были закованы в жесткий корсет стресса.

Может, потому моя психика и выдержала обрушившееся на меня в мае? Своим радостным спокойствием мама напитала и меня, иначе я точно сломалась бы...

Я даже неплохо сдала все выпускные экзамены. Не на сто баллов, конечно, но результат вышел одним из лучших в школе — сама не поверила. Наверняка мама захлебнулась бы от восторга, ведь я была главной гордостью и любовью ее жизни. Только о моих успехах она уже не узнала...

Как не узнала и того, что я даже не попыталась пристроиться в какой-нибудь вуз.

— Забей, — беспечно посоветовал Артур, и я поняла, за что мама так любила его. — Не мотай себе нервы еще больше. В армию не заберут... Если не передумашь, осенью я возьму тебя к себе помощницей. А к следующему лету уже соберешься с мыслями.

И я с радостью послушалась.

К тому же нам с ним предстояла печальная миссия, и она была важнее выбора будущего, захлебнувшегося маминой кровью, которая выплеснулась прямо из ее сердца на площадку нашего подъезда.

— Не думать! Не думать...

Сутками напролет я сражаюсь с непокорными мыслями, которые так и норовят напомнить о маминей смерти. Впрочем, я о ней и не забываю, ведь все в доме пропитано этой невероятной зеленоглазой женщиной с волосами цвета меда... Тепло ее красивых рук сохранилось в каждой вещице — в огромной сосновой шишке, которую мы привезли еще из прошлой поездки к морю; в расписной глиняной кукле, слепленной в детстве моей старшей сестрой Машкой; в смешном куске монтажной пены, похожем на улитку, который мы с мамой подобрали во дворе... В нашем доме полно всякого барахла, дорожке которого не может быть ничего.

Возле ее кровати на тумбочке до сих пор сидит уродливый ангел, которого я соорудила из картона еще в детском саду. Тогда мы обе верили, что ему под силу защитить мою маму. Иногда я ложусь на мамину постель и смотрю ангелу в глаза:

— Что ж ты...

Но чем виноват картонный малыш, если даже Артур не смог спасти женщину, которую так любил? А он из тех, кого называют настоящими мужчинами.

Артур не бросил меня, когда я осталась одна в целом мире, хотя пожениться они с мамой не успели и Логов не мог считаться моим отчимом. Но и я уже не была ребенком — в начале мая мне исполнилось восемнадцать, и совершеннолетие уравнило меня со всеми взрослыми, на которых я всегда посматривала с недоверием и опаской.

Мне предстояло жить в их мире, по их правилам, и я молилась только о том, чтобы Артуру не осточертело возиться со мной. Если из моей жизни исчезнет еще и он, я просто зависну в вакууме.

Но пока он держится и ничем не выдает того, что я утомила его своим присутствием. Хотя опыт общения с детьми у него начисто отсутствует, а я для него все же ребенок, к тому же и выгляжу лет на двенадцать... Ну, максимум на четырнадцать. Может, к сорока годам он дозрел до отцовства? А я все же не пачкаю пеленки и не плачу ночами. Точнее, он не слышит того, как я плачу в пустой квартире, живет-то он у себя.

— Выезжаем завтра, — объявил Артур утром, заявившись к завтраку с теплыми круассанами — обожаю их!

— В смысле завтра?!

Он аккуратно намазывал круассан маслом:

— А что тебя смущает?

— Надо же собраться...

— Так у тебя целый день на это! Поверь мне, на море ты все равно будешь носить только шорты и майку, ты и здесь-то из них не вылезает... Так что возьми смену, все. Ну, понятное дело, белье, купальник...

— Понятное дело...

Расслышал он язвительные нотки?

Но Артура этим было не задеть, мама нас обоих называла «сибирские язвы», хотя ни он, ни я никакого отношения к Сибири не имели, я даже не была там никогда.

— Ты когда-нибудь был в Сибири?

Артур даже перестал жевать, но хоть не подавился.

— Эх тебя занесло... Был. В Кузбассе, в Томске, в Новосибирске... А что?

— Как ты там оказался?

— По работе, — коротко отозвался он, сосредоточенно глядя в чашку.

ШАГИ В ПУСТОТЕ

Там действительно плавала чайника, просочилась как-то, но ясно, что ему просто не хотелось обсуждать со мной дела. И это меня задело...

— Ты же говорил, что мы теперь напарники!

Он устремил на меня удивленный взгляд:

— Те дела закрыты.

— Будут другие. Осенью ты обещал взять меня помощницей. Я была уверена, что мы вместе будем заниматься расследованиями... Ты отшиваешь меня?!

— Отшиваю? — Артур хохотнул. — Да ладно тебе, Сашка! Тебе всерьез хочется и дальше возиться в кровище?

Неужели он и впрямь не понимает? И мне придется разжевывать очевидное? Стараясь не отводить взгляда и даже не моргать, я проговорила медленно и отчетливо, точно обращалась к умственно отсталому:

— Мне необходимо чем-то занимать голову. Иначе я сойду с ума, потому что не могу думать ни о чем кроме... Ты знаешь.

— Я тоже, — неожиданно признался он, и лицо его дрогнуло, на миг став уродливым. Хотя мне казалось, его невозможно чем-то испортить...

— Тем более. Раз ты меня понимаешь...

Артур посмотрел на меня с надеждой и склонил голову набок, как пес, пытающийся угадать желание хозяина:

— А ты не можешь занять себя чем-то другим? Менее... жутким. Моя работа не из самых веселых, Сашка.

— У меня и жизнь не самая веселая, если ты заметил... Минус на минус дает плюс.

Дернув бровями, он кивнул с серьезным видом:

— А ты заслуженно заработала свои девяносто баллов... Или сколько там?

— По математике девяносто два. По русскому девяносто пять.

— Ну, неважно, — прервал он с беззаботностью, напомнившей мне мамину.

Все в мире напоминало мне о ней.

— Башка у тебя варит, — задумчиво проговорил он и вновь набил рот круассаном.

Я свой уже доела — ничто не может отбить мне аппетит, хотя во мне сорок пять кило... Теперь я просто потягивала чай, наблюдая за Артуром поверх чашки. Мой взгляд отвлекал его и от размышлений, и от еды, и легче было ответить мне поскорее, чем тянуть эту вольнку.

— Куда от тебя денешься, — буркнул он в итоге. — Будем работать, напарник! Но сначала — море.

И улыбнулся во весь рот. Иногда мне становится понятно, почему мама не устояла перед его улыбкой... Но это ничего не значит.

Самой значимой на сегодня для меня стала попытка понять: есть ли действительно что-нибудь *там*... Мы основываемся только на вере, и мне хочется думать, что мама со всеми ее фантазиями, мыслями, смехом и беспредельной любовью не исчезла без остатка — иначе зачем вообще она была? Зачем существую я? К чему это? Сейчас я размышляю, на что-то надеюсь, о чем-то мечтаю, и все это бессмысленно, раз будет стерто с лица Земли?

Мы все (ну почти все!) верим, что нет... Но вдруг человечество поколение за поколением обманывается — из страха перед смертью, от бессильного отчаяния, которое охватывает, стоит лишь на мгновение допустить мысль о конечности нашего существования? Если бы можно было *знать*! Навер-

няка. Не просто надеяться, но иметь уверенность, которая освободила бы от этого животного ужаса, подкрадывающегося ночами...

В такие минуты я шепчу:

— Пожалуйста, подай мне знак, что жизнь продолжается после смерти и я не пропаду бесследно...
Пожалуйста!

Не знаю точно, к кому я обращаюсь — к Богу или к маме...

Только никто не откликается. Никаких сигналов из запределья не приходит. И остается каждое утро накрепко сшивать обрывки веры, чтобы достало силы жить.

А следующей ночью опять:

— Пожалуйста! Ты слышишь меня?

* * *

Сашка еще не знала, почему Артур вдруг так заторопился с отъездом. В полдень, когда он дописывал отчет по очередному раскрытому убийству, на его мобильный позвонили.

— Юрка?! — поразился он. — Вот уж сколько лет, сколько зим... Ты дома, в Москве?

— Я дома. В Крыму, — ответил тот. — Я тут уже почти двадцать лет живу.

Голос в трубке звучал слишком напряженно для легкой болтовни. Да и неожиданность звонка настояраживала. Не мог Юрка Колесниченко позвонить просто так после стольких лет молчания. Как его номер-то остался в телефонной книжке?

— Ну да, ну да. Я в курсе. Что-то случилось? — Артур решил не разыгрывать комедию, они же знают друг друга как облупленных — в детсаду на горшках рядом сидели.

Юра тоже не стал увиливать:

— Случилось, Артур. Пашка пропал.

Артур привычным жестом раскрыл блокнот, выцепил из стаканчика заточенный карандаш — ими его снабжала милая девушка из канцелярии. Думать, будто она рассчитывает на что-то, ему не хотелось.

— Когда ты с ним связывался в последний раз? Видел или созванивался?

— Сразу быка за рога, — пробормотал Колесниченко.

Артур нетерпеливо постучал карандашом по блокноту:

— А ты собирался за жизнь потрепаться?

— Нет. С неделю назад виделись... Теперь проклиная себя, что не уследил!

Пашка был его младшим братом. Из-за того, что их разделяло всего три года, он все время крутился рядом с ними. К средним классам Пашка уже прочно вошел в их компанию и стал общей головной болью, потому что постоянно влипал в разные неприятности. Мальшом он то и дело терялся: однажды, засмотревшись, ушел следом за духовым оркестром во время городского праздника. Ротик приоткрыт, глаза сияют!

Его прозвали Колесом не столько по фамилии Колесниченко, сколько из-за того, что он постоянно норовил укатиться куда-то... Однажды Пашку привезли домой с хладокомбината: ему жизненно необходимо было увидеть, как делают мороженое, и начать производство в домашних условиях. Очень уж он любил его, а деньги их мама, тетя Тамара, выделяла редко. У самой вечно было в обрез...

Лет в десять его сняли с самолета — Пашка намеревался улететь в Африку, чтобы стать диверсантом и срывать сафари: ему до слез было жалко львов

и слонов. Им всем было жалко, но только Пашка попытался предпринять что-то, и Артур тогда долго не мог спать спокойно: малой решился, а ему даже в голову не пришло... Он понимал, что у Пашки ничего не вышло бы, но дело ведь было не в этом.

Подсознательно Артур ждал этого тревожного звонка от Юрки всю жизнь — рано или поздно Пашка должен был влипнуть по-крупному.

— погоди паниковать, — попытался успокоить он. — Это ж Пашка... Его унесло куда-нибудь на Байконур, а ты с ума сходишь.

В недолгом молчании легко было расслышать сомнения. Но Юра ответил:

— Ты давно его не видел, он очень изменился. У него же семья...

— Ну да, не побезумствуешь, — поддержал Артур, а про себя подумал: «Но тот бешеный Пашка не мог исчезнуть бесследно...»

— Ты в каком месте в Крыму? — уточнил он.

— В Евпатории.

У Логова вырвалось:

— Почему?

— А что не так?

— Не знаю... Детский курорт. Я был уверен, что ты в каком-то серьезном городе. В Севастополе, например...

— А я в Евпатории, — в голосе Юрия зазвучали упрямые нотки — он готов был отстаивать свой выбор. — Моим детям здесь хорошо.

За спиной кто-то удивленно чирикнул. Артур быстро повернулся на стуле: на открытом окне сидела маленькая пичуга. Посмотрев ему в глаза, она задорно дернула хвостиком, еще раз пискнула и взвилась в небо. Оно было одинаково высоким везде.

— Что ж, — сказал он в трубку. — Евпатория так Евпатория.

Море там было таким же глубоким...

Поэтому он и велел Сашке собраться за день — друг детства пропал. Подстегивать ее не пришлось, не на север же едут! К тому же и до того планировали, звонок из Крыма только ускорил их сборы.

Машинально кидая в чемодан вещи, Артур мысленно вырисовывал картину: Пашка исчез второго июля. Он бросил взгляд на календарь — уже четвертое! Что-то не сразу Пашкина жена забеспокоилась... Юрке она сказала, что с утра Пашка еще был с нею, они вместе ходили к нотариусу. Потом она уехала на работу, а Павел якобы отправился домой. Больше Светлана его не видела.

Юрке она позвонила уже в полночь — ждала до последнего, хотя Пашкин телефон молчал весь день. Но Светлана решила, что разрядился, такое случилось множество раз, с годами Пашка не стал взрослее и редко заботился о таких мелочах.

— Что они делали у нотариуса?

Юрка ответил не очень уверенно:

— У Светы мать недавно умерла. Там с наследством что-то...

— Дело не в деньгах?

— Думаешь, Пашка мог ограбить семью?! Да ты, похоже, совсем забыл его.

— Я вспомню, — пообещал Артур.

А сам подумал: «Некоторые люди меняются больше, чем нам хотелось бы. Тот Пашка, которого я знал, мог разве что бублик в магазине спереть... И то больше ради острых ощущений. А сейчас какой он, кто знает?»

В последний раз забежав перед отъездом в любимую кофейню, Артур не стал брать на вынос, как делал всегда, а уселся за столик. За окном покачивались растопыренные пятерни клена, уже здоровенные, но еще не пожухшие от зноя. Начало июля. Больше месяца без Оксаны... Он торопливо отогнал мысль о ней: вспоминать ее с тихой благодарностью еще не получалось, каждый раз хотелось взвыть от тоски и ярости, которая ничуть не утихла, когда он поймал убийцу.

Заставив себя думать о Пашке, он вообразил его забавную физиономию с большим ртом, который вечно улыбался, и шальным взглядом: «Что бы еще такого натворить?» С Юркой они росли абсолютно разными, даже глаза у старшего брата были другими — серьезными, чуть усталыми. Может, как раз из-за того, что все его детство было под завязку наполнено заботами о малыше?

«Что ты опять натворил, Пашка? — кофе сегодня показался особенно горьким. — Все куролесишь... А нам за тебя расхлебывать?»

Артур взглянул на часы: Сашку он разбудил час назад, она уже должна была собраться. Она пыталась поныть, мол, какого черта выезжать в такую рань?! Пришлось пресечь:

— В машине доспишь.

Логов не любил строжить ее и даже не считал себя вправе, все же он ей не настоящий отец, но были ситуации, когда приходилось настаивать на своем. Ему нужно было добраться до Евпатории как можно скорее, но о самолете Артур и слышать не хотел: без машины в Крыму делать нечего, а чужие он не любил, поэтому сразу отмел Сашкино предложение взять напрокат.

Так что в путь они отправлялись на его любимой «Ауди», которую он без стеснения всегда оставлял прямо у Сашкиного подъезда. Что скажут люди? Вот уж это Артура Логова никогда особо не заботило. Когда ты рождаешься с таким лицом, от которого только через силу можно оторвать взгляд, то шепот за спиной становится твоим шлейфом и тянется через всю жизнь. И никто не верит, что сам ты смотришься в зеркало только в тех случаях, когда бреешься, и меньше всего заботишься о том, как уложены волосы.

С юности ему приписывали невероятные романы: уже в девятом классе с молодой учительницей физики, которая, кажется, и впрямь смотрела на Артура чаще, чем на других...

— От тебя ж не убудет, а человеку приятно, — философски рассуждал по этому поводу его приятель Борька Сорокин.

Потом шептались, что в Логова влюбилась аж декан факультета — лютая с остальными студентами дама, которая жалела его, мальчика, потерявшего родителей, совсем по-матерински. И Артур твердо знал: у декана нет никакой задней мысли, когда она подсовывает ему пакетик с бутербродами. Или закрывает глаза на то, что Логов опять проспал первую пару.

Сострадание не имеет с похотью ничего общего... Хотя по работе ему встречался один старый подонок, который слишком уж жалел соседского мальчика: его родители пили по-черному. Он то подкармливал малыша, то укладывал к себе в постель.

— Да я ж порадовать его хотел, — оправдывался он на допросе. — Приласкать малость... Он же с этой алкашной никакой радости не видел.

Вот только однажды мальчик начал отбиваться... Может, просто подрос и понял, что творит с ним добрый дедушка? Или просветил кто-нибудь в подворотне... Пацан ударил соседа и начал кричать.

— Пришлось малость придушить его, а то весь дом переполошил бы, — оправдывался убийца, демонстрируя искреннее непонимание, в чем его вина.

Ребенка нашли только через неделю на пустыре, обглоданного бродячими псами. Патологоанатом обнаружил следы многократного сексуального насилия, а пацан из двора вспомнил, как погибший сболтнул, что сосед жалеет его. И только мать с отцом ничего не замечали...

Но юность Артура была свободна от таких упырей, если его и жалели, то искренне.

«Надо бы заглянуть к ней, поведать, — подумал Артур о бывшем декане, уже садясь в машину. — Если она еще не на пенсии... Как же ее зовут?»

У него было время вспомнить, пока он добирался от своего дома на Большой Черкизовской до Сашкиного на Сельскохозяйственной. Раньше Артур называл этот дом Оксаниным, теперь приходилось переучиваться, чтобы не увязнуть в прошлом на годы, а риск был — он это чувствовал. Выбираться в реальную жизнь нужно было очень аккуратно, неспешно, не делая резких движений, чтобы не порушить башню, воздвигнутую из воспоминаний.

И Сашку он не торопил: пусть остается в той же квартире среди Оксаниных вещей, раз ей так спокойнее. Только бы самообман не затянулся на всю оставшуюся жизнь... Вокруг было полно людей, живущих воспоминаниями. Артур видел их чуть ли не каждый день: грустное зрелище. Такого он Сашке

не желал. Потому и рвался скорее увезти ее на море, наивно веря в его чудодейственную силу.

Старушки у подъезда затихали, когда Артур выходил из машины, и он втайне даже ликовал из-за того, что опять подбросил им пищу для сплетен. Пусть развлекаются, раз больше нечем скрасить свои унылые будни, повод-то какой: этот красавчик следовательно сначала к матери ездил, теперь к дочке... Объяснять, что Саша Каверина как была, так и осталась для него дочкой, Логов считал унижительным. Плевать!

Главное — это отвезти Сашку к морю... Оно зализает, залечит раны, оставив тонкие шрамы, которые не исчезнут, конечно, но с ними уже можно жить. Ведь сам Артур как-то справился, не позволил черной трясине тоски поглотить себя. А был он чуть старше Сашки, когда его родители разбились в одной машине... Многие потом удивлялись, что Логов не боится сесть за руль и водит — не сказать чтоб уж очень осторожно. Довольно лихо...

Сашка ничем не выказала страха перед путешествием в Крым на машине. Правда, в первый момент удивилась:

— Не на самолете?

Но тут же пришла в восторг, запрыгала по комнате как маленькая.

— Вот это, я понимаю, приключение!

Его сердце от радости сбивалось с ритма, когда Сашка хоть ненадолго забывала о сиротстве и вновь превращалась в ту девчонку в домашних зеленых шортах и желтой майке, которую он звал: «Тот еще фрукт!»

— Ты же хорошо переносишь машину?

Артур уточнил на всякий случай. Вроде Сашку никогда не тошнило, но он и не возил ее далеко...

Она нагловато ухмыльнулась:

— Боишься, что я заблую твою «Ауди»?

— Да уж не хотелось бы!

— Расслабься. Ничего такого никогда не случилось. Можно я наберу с собой чипсов? Или в твоей «немке» нельзя крошить?

подавив вздох, Артур позволил ей взять все, что она захочет, хотя сам никогда не ел в машине. Не то чтобы он был таким уж чистюлей, но и устраивать в дорогом автомобиле свинарник ему не казалось правильным. Он думал, что Сашке это хорошо известно. Не отпускало подозрение, что девчонка проверяет, насколько Логов готов прогнуться.

Он ошибся. Никаких чипсов Сашка с собой не потащила, только леденцы взяла на случай, если и впрямь затошнит, и несколько бутылочек воды.

— Зачем? — удивился Артур. — Можно купить по дороге.

— Я из фильтра воды набрала. Чего зря деньги тратить?

Он закатил глаза:

— Экономная ты наша...

И тут же пожалел, что произнес слова, которые могли резануть Сашку: «наша», «мы» — эти понятия остались в прошлом, «их» больше не существовало. Он остался один. И Сашка одна. И они только делали попытки слепить что-то вместе из разрозненных кусочков в память об Оксане...

Но Сашка то ли не заметила, то ли пожалела его и сделала вид.

— Газ я перекрыла, воду тоже, — проговорила она деловито, наблюдая, как Артур пристраивает ее сумку в багажник. — Паспорт с полисом взяла. Банковскую карту... Вроде все?

Он выпрямился и еле удержался от того, чтобы погладить ее легкие белесые волосы:

— Умничка.

Все это время Артур старался не смотреть на пакет, который Сашка прижимала к груди. В нем угадывались очертания шкатулки, которую они собирались отвезти к морю. Сашка тоже опустила глаза:

— Куда поставим? Не в багажник же?

— Нет, конечно. На сиденье. Я закреплю.

Он только хотел сказать, что шкатулка поедет на переднем сиденье, как Сашка спросила:

— Я тебе не буду мешать, если сяду рядом? Или лучше сзади?

— Как тебе удобнее, — заверил он. — Кондишн везде добивает, радио слышно.

— Тогда я впереди, — она осторожно передала ему шкатулку, юркнула на сиденье и вопросительно улыбнулась ему снизу. — Поехали?

* * *

Никто не видел того, что открывалось его глазам...

Из-под облаков орел обозревал выжженные солнцем поля, застывшие ряды виноградников, ожидающих сбора урожая, беспокойный морской простор, который только людям кажется бескрайним. Орел знал, что даже стихия заключена в каменные берега и не свободна. В отличие от него...

Только он один мог оценить причудливые формы разного цвета озер — голубых, зеленоватых и даже розового. Он видел, как меняются переливы их оттенков в зависимости от того, на какой высоте нахо-

дится солнце. И как медленно меркнут краски, когда светило опускается в море.

И никто до сих пор не заметил, что на каменистом берегу у подножия скалы лежит человек.

Хотя он не шевелился уже несколько дней и явно был мертв, что-то мешало орлу рассматривать его как пищу... Не жалость, конечно. Царь птиц не был знаком с этим чувством. Просто летом у него не было недостатка в другой пище и не хотелось опускаться до человеческого трупa.

А другие животные не забредали в этот пустынный уголок. Пока что...

* * *

Оказалось, что ехать с Сашкой в одной машине — это не такое уж мучительное испытание: она не болтала и не сорила. Молчком снимала что-то из окна, копалась в гаджете, прикрыв глаза, слушала музыку. Артур начал верить: путешествие будет приятным.

Только раз Сашка печально заметила, когда они миновали поворот на Ясную Поляну:

— Мы так и не побывали там... Все собирались.

На этот раз «мы» — это были они с Оксаной. Артур пробормотал, хоть и не имел к этому никакого отношения:

— Я свожу тебя.

Медленно повернув голову, Саша устремила на него долгий взгляд, потом отвернулась к окну, заговорила о Толстом, которого Артур не перечитывал со школы.

— Наверное, до него надо дорасти. Мама его очень любила, а мне ближе Достоевский.

Она сделала паузу, точно выжидала, что скажет Артур, ему пришлось сознаться:

— Я так и не осилил «Преступление и наказание».

— Ты?! — Сашка так и подскочила на сиденье, заглянула ему в лицо. — Серьезно? Ты же сыщик! Это самое... твое.

— «Братья Карамазовы» — вот мое. Несколько раз перечитывал. Чем не криминальный роман? Но какие характеры, какие страсти!

Откинувшись на сиденье, она проговорила задумчиво:

— А я от «Преступления...» оторваться не могла. Даже типа изысканий что-то провела: почему у Раскольникова именно рыжая шляпа? И еще кое-что... Разве он тебе не интересен с точки зрения психологии преступника?

Обижать ее не хотелось, но Сашка не потерпела бы неправды. И Артур признался:

— Мне кажется, Раскольников предсказуем. Или в этом предсказуемость Достоевского? Я сразу знал, что главный герой убьет старуху.

Сашка фыркнула:

— Это каждый первоклассник знает!

— И что кто-то невинный погибнет.

— А... ты догадался?

— И что раскается... Карамазовым удалось заставить меня врасплох. Их мотивы интереснее. Ну, это только мое мнение, — добавил он поспешно, испугавшись, что задел ее.

Но Сашка внимательно слушала его, устремив взгляд в лобовое стекло. Трасса закручивалась серой лентой, исчезая под колесами, точно их машина заглатывала ее. Мимо пронеслись перелески всех

оттенков зеленого, первые стога, скрученные рулонами: в детстве Артура таких не бывало. Обычные лохматые теперь встречались редко, но прошлым летом они с Оксаной набрали на такой, разом со смехом откинулись на спину и долго лежали рядом, просто глядя в дымчатую синеву. Он тихонько перебирал ее пальцы и думал: «Это и есть счастье. Вот такое оно...»

— Эй! — вскрикнула Сашка, когда машина резко вильнула. — Ты засыпаешь, что ли?

— Нет, — отозвался он коротко.

Кажется, она догадалась, но все же предложила:

— Может, остановимся и выпьем кофе?

— Попозже. Нам надо проехать сегодня как можно больше.

— Включи навигатор, — посоветовала она. — Вдруг он найдет более короткий путь?

— Терпеть не могу навигаторы...

— Ну как знаешь...

Без стеснения протяжно зевнув, Сашка умолкла, глядя перед собой. И только через несколько километров призналась:

— Я всегда мечтала вот так ехать на машине куда глаза глядят. Просто смотреть в окно, слушать музыку и ни о чем не думать.

«Но Оксана не умела водить, — завершил Артур за нее. — Да и машины у них не было».

— А тебе удастся ни о чем не думать?

— Ну... Не совсем, — она улыбнулась, поглядев на него. — Но это, знаешь, такие ленивые мысли. Неважные. Я их тут же забываю.

— И тем они хороши!

— Вот. Ты понимаешь. Я знала, что ты поймешь.

Артур шутливо кивнул:
— Премного благодарен.
— Ехать и не думать, — повторила Сашка с тоской. — Долго-долго...

Но к вечеру она едва не вывела его из себя.
— Только не пончики! — взмолился Артур, когда Сашка выбрала место для ужина, завопив: «Останови здесь!» Он еле успел затормозить...

Ее глаза округлились:
— Ты не любишь пончики?!
— Даже запах не выношу.
В ее недолгом молчании сквозила укоризна:
— Как же мы будем путешествовать вместе? Я их обожаю.

— А по тебе не скажешь...
Пухлая нижняя губка обиженно выпятилась:
— Еще назови меня скелетом!
— Ну что ты! — притворно ужаснулся Артур. —
Никогда в жизни. Ты просто... миниатюрная.
— Звучит лучше, но смысл тот же.

Он несогласно мотнул головой, вынудив Сашку усмехнуться:

— Знаешь, раз уж мы все равно остановились... Ты не обязан есть пончики! Можешь взять пельмени. Их-то ты ведь любишь?

Осеклась на последнем слове, наверняка вспомнив, как они на пару давились магазинными пельменями после смерти мамы. Артур покосился на нее с тревогой: бледное личико вытянулось, взгляд впился в невидимую точку...

— Ладно, — вздохнул он. — Пончики, пельмени — все, что желает Ваша светлость!

Ее ресницы дрогнули, уголки губ едва заметно приподнялись. Сашка посмотрела на него теплым взглядом и быстро кивнула:

– Спасибо!

Пахло внутри отвратительно, но Сашка с удовольствием задергала носом:

– Неужели у тебя слюнки не текут? Ну скажи! Не текут?

– А я похож на жертву экспериментов академика Павлова? – Артур скривился.

Сашка легонько оттолкнула его:

– Да ну тебя!

Подскочила к кассе и уставилась на меню на экране. Вид у нее был такой, будто сейчас она начнет облизываться:

– Я возьму и пельмени, и пончики. И еще два стакана чая.

– У тебя обезвоживание?

– Просто хочется! А ты что выбрал?

– Пончики, конечно!

– Серьезно?

Он взял чебуреки – пельмени сейчас в горло не полезли бы. Хотелось думать, что Сашка не сочтет это упреком: мол, у нее уже отболело, забылось... Да Артур только рад был бы этому! Для того и втянул Сашку в расследование убийства Оксаны, лишь бы только она не задохнулась от тоски по матери.

И они оба выжили.

Даже расхохотались в голос, когда с обратной стороны окна, у которого они устроились, остановилась толстая тетка в розовых шортах, которые делали ее похожей на мисс Пигги. Сашка точно не помнила, кто это... Зал кафе по уровню находился ниже тротуара, и пухлый розовый зад оказался пря-

мо на уровне их лиц. В маленьких наушниках, видимо, звучала заводная мелодия, потому что рыжеволосая тетка начала притоптывать ногами, словно покрытыми белым, дрожащим от каждого движения желе.

— Стекла зеркальные, она нас не видит, — от смеха вытирая глаза, пояснил Артур.

— Может, выйти и сказать ей? — Сашка уже начала приподниматься.

Он остановил:

— Не надо. Она так счастлива в своем неведении! А если узнает, что стала посмешищем, это будет мучить ее весь отпуск.

Усевшись на место, Сашка с удовольствием куснула пончик и неразборчиво промычала:

— А ты добрый...

«Не всегда, — подумал Артур, медленно сворачивая салфетку. — Те, кого я посадил, с тобой точно не согласились бы...»

* * *

Сашка дремала рядом, отвернувшись к окну, и его мысли тотчас унеслись в Крым. Что могло случиться с Пашкой? Все его шалости всегда были безобидными, пацанскими, ни в какой криминал он никогда не лез. Конечно, уйма лет прошла с тех пор, когда они виделись в последний раз. Судя по тому, что успел накопать Артур, друг его детства не особенно изменился...

Продолжая забавляться, Пашка открыл в Евпатории Парк монстров и населил его любимыми персонажами — от Коцея до Шрека и Майка Вазовски. Оказалось, у него золотые руки, которыми он и со-

здавал уродиков, как сам любовно называл жителей парка на своих страницах в соцсетях. Его детище пользовалось успехом, ведь в парке можно было пройти кучу квестов, а в подарок получить клятву от Фионы, что твое заветное желание, написанное на листочке и брошенное в ее приоткрытую сумочку, непременно сбудется.

«Он дарил детям надежду и радость, — Артур не замечал, но его брови болезненно сдвигались на переносице, когда он думал о Пашке. — Какого черта? Кто мог ненавидеть его настолько, чтобы убить?»

Он вдруг поймал себя на том, что уже принял убийство в качестве основной версии, хотя Пашка просто пропал. И, собственно, в любой момент мог объявиться и, как бывало, невинно захлопать ресницами:

— Вы меня потеряли? Ну вы чего, пацаны? Я же большой мальчик, могу исчезнуть на пару дней!

«Не можешь, — возразил Логов про себя. — Это я могу себе позволить. А у тебя семья, дети. Пора взрослеть, Пашка!»

Он всей душой надеялся, что сможет повторить это, глядя Пашке в глаза...

То ли Артур действительно задремал за рулем на какой-то миг, то ли некая потусторонняя сила увела их с маршрута, но в сумерках он понял, что едет не туда. Ни одной машины не было видно ни впереди, ни сзади... Как он ухитрился съехать с трассы?

Чертыхнувшись, Логов пересилил отвращение и обратился за помощью к навигатору. Бодрый голос футбольного комментатора возвестил о начале игры, но это не разбудило Сашку, и Артур надеялся, что успеет вернуться на нужную дорогу. Незачем ей

знать, как он позорно сдался и призвал на помощь Уткина.

«Молодец, все знаешь», — подумал он мрачно, выполняя указания повернуть налево-направо.

Но лес становился все гуще, и это уже настораживало его. И тут — разве могло быть иначе?! — Сашка заворочалась, приоткрыла глаза, снова отключилась на секунду, потом проснулась окончательно, села и завертела встрепанной головой:

— Где это мы?

— А хрен его знает! Спроси у своего друга.

Она с изумлением выслушала очередную команду Уткина:

— Ты включил навигатор?! Мы заблудились?

— Похоже на то...

— И уже темно.

— Темнеет, — придирчиво поправил Артур. — Еще не темно.

Услышав металлические нотки в его голосе, которые звучали редко, Сашка поспешно согласилась:

— Конечно. Мы успеем выбраться из этой... глухомани.

Артур взглянул на телефон:

— Похоже, он сам заблудился. Сейчас перепрограммирую...

Он успел сбросить настройки навигатора перед тем, как Сашка выкрикнула:

— Стой!

И уже потерянным голосом проговорила, глядя на экран своего телефона:

— Здесь нет интернета.

— Вот черт! Совсем не ловит?

Она покачала головой и виновато поджала губы:

ШАГИ В ПУСТОТЕ

— Все? Мы остались без навигатора? Как же мы выберемся?

И вдруг подпрыгнула от радости, тыча пальцем в стекло:

— Смотри, там дома! Здесь живут люди!

Он с облегчением перевел дух и небрежно заметил:

— Сашка, это же центральная часть России. Здесь кругом люди.

Только они были какими-то странными, точно вышагнули из его советского детства, где остались такие вот заросшие травой кюветы, бездонные лужи, по которым можно было с упоением шлепать после дождя, некрашенные заборы серого цвета... Облокотившись на щербинку между штакетником, одна доска была выломана, неподвижно стояла старуха с длинными седыми волосами и смотрела в одну точку. Даже появление их машины не заставило ее перевести взгляд.

— Она похожа на ведьму, — пробормотала Сашка, не сводя со старухи испуганных глаз.

Перед забором на крышке люка сидел бритый малыш, на котором из одежды были одни колготки в рубчик — где такие раздобыли? Вокруг него на трехколесном велосипеде каталась девочка с синим бантом, а полуголый пацан ожесточенно хлестал ее своей рубашонкой. Но девочка безмятежно улыбалась и продолжала нарезать круги.

— Удивительно, — пробормотала Сашка, заметно сжавшись.

— Что именно?

— Живут люди вдали от мира... Среди леса. И никуда их не тянет... Ничего больше не нужно. Никаких амбиций. Может, так и нужно?

— Висеть на заборе?

— Мы же не знаем, чем она занималась весь день, — вступилась Сашка. — Может... животных лечила. Или еще что-нибудь. А сейчас вышла подышать.

— А дети?

— Что — дети? Их, наверное, к бабушке привезли на лето. Или уже к прабабушке...

— Ты его колготки видела?

Она замялась лишь на секунду:

— Так у нее и завалялись в комод. Их, может, еще его мама носила. Или даже бабушка...

— Ладно, — сдался Артур. — Твоя взяла. С этой деревушкой все в порядке. Здесь живут счастливые и самодостаточные люди. Вот у одного из них мы сейчас и спросим дорогу...

Остановив машину рядом с молодым косарем, который не выглядел пришельцем из прошлого века, Артур опустил стекло:

— Вечер добрый! Мы, кажется, слегка сбились с пути...

Парень осмотрел их внимательно:

— А куда едете?

— В Крым.

— В Крым?! Ну, это вы лихо промахнулись, — он заглянул в салон и улыбнулся Сашке. — Слушайте...

И он принялся объяснять, довольно четко и понятно, как им вернуться на трассу, но в какой-то момент Артур перестал его слышать. Его начало раздражать, как этот парень таращится на Сашку и улыбается ей. Не удержавшись, Артур оглянулся: она тоже светилась улыбкой, и это показалось ему просто отвратительным — первому встречному!

— Спасибо, — сухо сказал он и поднял стекло.

Донесся приглушенный выкрик:

— Вы куда? Вы запомнили?

Но машина уже тронулась с места, чтобы поскорее увезти их из этой мрачной деревушки. Изумленный Сашкин взгляд прожигал ему висок. Не выдержав, Артур бросил, не глядя на нее:

— Ну что?!

— А что это сейчас было?

— Не люблю хамов.

— Он тебе не хамил. Он объяснял дорогу. Ты сам обратился к нему за помощью.

— Ты хочешь, чтоб я вернулся?

Видно, что-то опять зазвенело в его голосе, потому что Сашка тут же бросила:

— Нет. Едем. Куда глаза глядят...

И отвернулась к окну, глядя на убегающие в прошлое низенькие домики с серыми крышами.

Покосившись на нее, Артур вздохнул:

— Ну ладно. Я, наверное, чересчур вошел в роль отца. Меня взбесило, как он на тебя тарашится.

Только промычав что-то в ответ, Сашка прислонилась головой к стеклу и закрыла глаза. Артур пихнул ее локтем:

— Если ты сейчас уснешь, я снова заеду черт знает куда...

— У тебя топографический кретинизм? — язвительно заметила она, не открывая глаз.

— Есть маленько.

По интонации уловив, что он улыбается, Сашка неожиданно призналась:

— А мне нравится, как ты сжился с ролью отца. Я не против.

— Правда? — обрадовался он. — Мне тоже... по душе эта роль. Или призвание?

Поморщившись, она взглянула на него укоризненно:

— Ой, только этого пафоса не надо!

— Не буду, — согласился Артур.

В ее голосе зазвучало подозрение:

— Что-то ты стал слишком сговорчивым...

— Это полнолуние, — он указал пальцем на желтый шар в небе. — Оно всегда меня подавляет.

И в тот же миг двигатель заглох. Не встревожившись, только слегка удивившись, Артур попытался завести его снова, но машина не отзывалась.

— Что за чертовщина?!

Ему почудилось, будто сумерки сгустились, начали подползать к ним, угрожая поглотить. Может, сами того не зная, они с Сашкой пересекли запретную черту и угодили в некую реальность, о существовании которой не должны были знать? Он прислушался: не доносится ли с болот жутковатый вой?

Сашка боязливо взглянула на круглую луну:

— А вдруг и вправду чертовщина? У тебя же не «жигуленок» какой-то, чтобы заглохнуть! — она оглянулась. — Эта странная деревня... Косарь этот... А вдруг он колдун? И не выпускает нас из своего круга? Мы останемся тут навечно, и он будет высасывать наши души...

— Хорош болтать, — прервал ее Артур.

Когда ему становилось не по себе, он мог быть грубоватым, и Сашка уже знала это. И хотя она и бровью не повела, Логов сам уже взял себя в руки и пояснил, стараясь, чтобы голос не звучал виновато:

— Мы на мостике застряли, здесь вообще нельзя останавливаться. Придется выйти, я попробую вытолкать машину.

ШАГИ В ПУСТОТЕ

— Толкать будем вместе! Мы напарники или кто? — отрезала Сашка и открыла дверцу.

Ухмылка Артура чуть съехала вбок:

— У тебя грыжа не вылезет?

— Вправят. Командуй, что делать?

«Еще то зрелище, — подумал Артур, изо всех сил уперевшись в раму дверцы и контролируя положение руля. Сашка пыхтела с другой стороны, копируя его действия. — Хорошо еще, что никого тут нет, а то сдохли бы со смеху... Чертовщина? Да ну, бред. Не верю я в эти сказки».

— Как-то иначе я представляла отдых на море, — выдавила Сашка и зашлась смехом.

И в тот же момент «Ауди» встрепенулась и завелась, съехав с моста. Словно вырвалась за некую невидимую границу... Резко выпрямившись, они с Сашкой уставились друг на друга круглыми глазами.

— Его владения закончились, — прошептала она, но Артур каким-то чудом услышал. Не по губам же прочел? Или подумал ровно то же самое?

— Садись, — велел он, решив не комментировать происходящее.

Черт его знает, что творится в российской глубинке!

Или это Пашка завел его в отзвучавшие времена их детства?

* * *

Волк искал мертвого человека...

Легкий и серый, как тень, он скользил между деревьями, следуя за ароматом гниения, который не мог укрыться от него. Днем волк не уловил его, не

различил в полевом букете, и только ночной ветер принес сладковатый запах, который кажется людям отвратительным, ведь они — брезгливые хищники. Убивают не ради добычи, а из других соображений, волку совершенно недоступных.

Волк шел по запаху.

Но природа подстроила ловушку — хищник понял это, добежав до края отвесной скалы. Спуститься с нее было ему не под силу, волк не умел прилипнуть к едва различимым уступам, как это делали горные козы, приводя его в исступление своей недоступностью.

А мертвое тело находилось внизу... Он не видел его, но был уверен, что нюх не обманывает. Такого не случилось еще никогда в жизни. И никогда волк не сталкивался с мертвым человеком. Группы животных попадались ему часто, и волк не отказывался от еды, за которой даже не нужно было охотиться. Но ни разу он не ел людей.

На этот раз ему тоже не довелось отведать человеческого мяса.

* * *

Конуру, в которой они переночевали, трудно было назвать гостиницей, но у Артура уже не было сил ехать дальше во втором часу ночи. В номер вместились только две односпальные кровати, между которыми можно было просочиться лишь бочком. В крохотной ванной унитаз прижимался к сомнительной чистоты клеенке, которая гордо играла роль душевой кабинки.

Артур только протяжно вздохнул, увидев все это. Но спать в машине — еще то удовольствие...

ШАГИ В ПУСТОТЕ

— Я не буду там мыться, — заныла Сашка. — Там грибок... И еще хрен знает что!

— Не ругайся, — устало попросил он. — Тебе не к лицу. Ты же у нас такая милая девочка.

— Я не милая! Я злая и неблагодарная. Мы путешествуем, а я не ловлю от этого никакого кайфа.

— Ну извини...

Сгорбившись на постели, она уставилась в пол. В этот момент она показалась Артуру такой маленькой и несчастной, что он уже готов был вернуться за руль и поискать приличный мотель.

Но Сашка уже подняла голову:

— Прости меня. Сама не ожидала, что сдуюсь...

— Я тоже рассчитывал на более приятное путешествие.

— Эта комната похожа на гроб. На меня давит крышка.

— Вообще-то гроб устроен так, что крышка не давит на покойного. Даже не касается.

— А на меня давит! — она отвела глаза. — Артур... Ты боишься смерти?

Можно было бы отшутиться, если бы перед ним сидела не Сашка. Опустившись на корточки, он заглянул ей в лицо:

— Малыш, ты просто устала.

— Я очень боюсь, — проговорила Сашка ровным бесцветным голосом. — Как только представлю, что просто исчезну... Ничего не буду чувствовать, ни о чем не смогу подумать. Меня такой ужас охватывает! И самое жуткое, что этого не изменить. Все на свете можно исправить. Кроме смерти. Что бы я ни делала, все равно умру...

— Ты не веришь в царствие небесное?